

Актуальні проблеми сучасного мовознавства

УДК 811.161.1'38'36

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Контаминация как причина существования асимметричной нерегулярной грамматической вариантности: на примере управления прилагательного *полный* и однокоренных адъективов

Попов С. Л. Контамінація як причина існування асиметричної нерегулярної граматичної варіантності: на прикладі керування прикметника *полный* і однокореневих ад'єктивів. У статті представлено обґрунтування того, що контамінація може бути причиною існування асиметричних (із суттєво різною частотністю) нерегулярних граматичних варіантів. Досліджено варіанти керування прикметника *полный* і однокореневих до нього ад'єктивів. Продемонстровано п'ять аспектів, які доводять контамінаційність моделі керування *полный* + форма *орудного відмінка*: істотне кількісне переважання моделі *полный* + форма *родового відмінка* над моделлю *полный* + форма *орудного відмінка*; модель *полный* + форма *орудного відмінка* як навмисне, з метою створення експресії порушення граматичної норми; шизофренічне змішування моделей керування прикметника *полный*; суттєво більша, ніж у ад'єктива *полный*, частотність моделі з орудним відмінком у предикативного ад'єктива *полон*; виняткова схильність до керування орудним відмінком у дієприкметників *наполненный*, *заполненный* і *переполненный*.

Ключові слова: граматична варіантність, синтаксичне керування, нерегулярність, частотність, асиметрія, контамінація.

Попов С. Л. Контаминация как причина существования асимметричной нерегулярной грамматической вариантности: на примере управления прилагательного *полный* и однокоренных адъективов. В статье представлено обоснование того, что контаминация может быть причиной существования асимметричных (с существенно разной частотностью) нерегулярных грамматических вариантов. Исследованы варианты управления прилагательного *полный* и однокоренных к нему адъективов. Продемонстрированы пять аспектов, доказывающих контаминационность модели управления *полный* + форма *творительного падежа*: существенное количественное преобладание модели *полный* + форма *родительного падежа* над моделью *полный* + форма *творительного падежа*; модель *полный* + форма *творительного падежа* как намеренное, с целью создания экспрессии нарушение грамматической нормы; шизофреническое смешение моделей управления прилагательного *полный*; существенно большая, чем у адъектива *полный*, частотность модели с творительным падежом у предикативного адъектива *полон*; исключительная предрасположенность к управлению творительным падежом у причастий *наполненный*, *заполненный* и *переполненный*.

Ключевые слова: грамматическая вариантность, синтаксическое управление, нерегулярность, частотность, асимметрия, контаминация.

Popov S. L. Contamination as the cause of asymmetrical irregular grammatical variation: in the context of the adjective *полный* patterns and cognate adjectives. In the article, the argument is presented to underpin the fact that contamination can be the cause of asymmetrical irregular grammatical variants (with significantly different frequency). The variants of adjective *полный* patterns as well as the adjectives which are cognate with it are researched. Five aspects demonstrating the ability for the pattern *полный* + form of *Instrumental case* to be contaminated are identified: the pattern *полный* + form of *genitive* far outweighs the pattern *полный* + form of *instrumental*; the pattern *полный* + *instrumental* as a deliberate deviation of a grammar norm is used for emphasis; schizophrenic mixture of adjective *полный* patterns; predicative adjective *полон* + *instrumental* has significantly higher frequency than the one adjective *полный* has; participles *наполненный*, *заполненный* and *переполненный* are most likely to be followed by *Instrumental*.

Key words: grammatical variability, syntactic patterns, irregularity, frequency, asymmetry, contamination.

Грамматическая вариантность интересует лингвистов, в особенности лингвистов-ортологов. Последние, занимаясь не только практической дифференциацией грамматических вариантов, но и теоретическими исследованиями различных аспектов грамматической вариантности, не могут

обойти стороной вопрос о причинах появления и существования грамматических вариантов. Так, К. С. Горбачевич делит такие причины на внешние и внутренние. К внешним он относит влияние диалектов и других языков, к внутренним – действие фактора аналогии, многообразие структурных потенциалов языковой системы, тенденцию к экономии [2:23–24]. Фактор

многообразия структурных возможностей языковой системы как причина вариантности отмечен, в отношении вариантности на уровне синтаксического управления, и в «Русской грамматике», в которой указан и второй фактор, предопределяющий такую вариантность: «соединение в слове разных компонентов значения, т. е. таких семантических элементов, которые принадлежат словам разных семантических групп, имеющих каждая свои характерные связи» [8:22–23]. Это достаточно абстрактная формулировка причины, и в дальнейшем она конкретизируется в этой грамматике более частными рассмотрением (подробнее о них говорится ниже). Однако даже некоторые наблюдения грамматической вариантности обуславливают понимание неполноты перечня ее причин и, как следствие, гипотетическое дополнение данного перечня такой причиной, как контаминация. Понятно, что уточнить, пересмотреть или дополнить этот перечень какими-либо причинами позволяет подробное изучение узуальных характеристик грамматических вариантов. В наши дни такое изучение возможно благодаря существованию постоянно пополняемых электронных ресурсов – национальных корпусов разных языков, для русистов – Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Всю грамматическую вариантность можно разделить на регулярную (типичную) и нерегулярную (не поддержанную аналогичными типами вариантов). Регулярным грамматическим вариантам в русском языке, рассматриваемым в когнитивно-эволюционном аспекте, посвящено исследование [5]. Однако в русской грамматике наблюдается большое количество нерегулярных грамматических вариантов, изучение которых, безусловно, невозможно не признать весьма фрагментарным по вполне объективным причинам.

Сейчас, после ряда достаточно поверхностных просмотров узуальных характеристик различных нерегулярных грамматических вариантов, мы можем говорить о возможности и, вероятно, необходимости разделить такие варианты на симметричные, у каждого из которых количество реализаций примерно (сопоставимо) одинаково, и асимметричные, из которых один употребляется гораздо чаще другого.

В качестве объекта изучения асимметричных нерегулярных русских грамматических вариантов мы решили выбрать асимметрично вариантное – с количественно доминирующими формами родительного падежа (далее – Р.) и весьма редкими формами творительного падежа (далее – Т.), – нерегулярное – не поддержанное такими падежными конструкциями с другими адъективными прилагательными – управление прилагательного *полный* и – в качестве фона для

сравнения, в ходе которого познание бывает особенно успешным, – однокоренных к нему адъективов. Такой выбор обусловлен двумя факторами. Во-первых, данное прилагательное имеет высокую частотность. Во-вторых, попытка объяснить причину вариантности его управления предпринята в «Русской грамматике» (см. ниже), и эту попытку сложно признать успешной.

Таким образом, цель настоящей статьи – выяснение узуальных характеристик управления прилагательного *полный*, однокоренных к нему адъективов и проверка гипотезы о контаминации как причине нерегулярной асимметричной грамматической вариантности.

В «Русской грамматике» (в уточнение того, что сказано о причинах вариантности ранее) говорится, что «в слове могут взаимодействовать семантические элементы разных собственно лексико-семантических классов. Так, вариативность связи *полный воды* и *полный водой* поддерживается наличием связей *налить воды* (*насыпать песку, набросать камней...*) и *наполнить водой* (*заполнить камнями, набить вещами...*)» [8:23]. Но, во-первых, модель *полный водой* поддерживается не «семантическими элементами» модели *наполнить водой* (*заполнить камнями, набить вещами...*), а присущей данной модели формальностью синтаксического управления именно Т. Во-вторых, трудно согласиться с тем, что *полный воды* обуславливается влиянием управления глагола типа *налить* (*насыпать, набросать*), поскольку глаголы с похожей семантикой *насыпать, набросать* и им подобные, не будучи однокоренными с прилагательным *полный*, вряд ли способны влиять на падежное управление этого прилагательного. В противном случае пришлось бы признать, что управление *известный кому* обусловлено семантикой и управлением глаголов *сказать, сообщить*, причем признать, абстрагировавшись от глаголов той же ЛСГ *известить, обнародовать*, семантика которых тоже связана с обеспечением какой-либо информации известностью, но управление которых, к сожалению, не связано с дательным падежом.

Полный – параметрическое прилагательное с семантикой верхней части параметрической шкалы полноты (части, противопоставленной показателю *пустой* на противоположном конце данной шкалы), но от других таких прилагательных, типа *длинный, широкий, высокий, глубокий*, оно отличается семантикой объема. Данная семантика в большинстве случаев предполагает уточнение не только объема, но и субстанции, наполняющей данный объем. Передать значение именно такой субстанции можно только семантикой принадлежности, которую в русском языке выражает весьма частотный «родительный

принадлежности». Поскольку полнота предполагает эту субстанцию (и потому в большинстве случаев наблюдается управление *полный кого-чего*), а длина, ширина, высота и глубина, как не связанные с понятием объема, подобных субстанций не предполагают, невозможно управление этими прилагательными формой родительного падежа.

Необходимо также выяснить, не является ли управление *полный + Т.* управлением по аналогии. Д. Э. Розенталь справедливо полагает, что аналогия – это «равнение на большинство» [7:15]. Но в нашем случае о равнении на большинство говорить не приходится. Однокоренные глаголы *наполнить, заполнить и переполнить* (однокоренные *восполнить, дополнить и пополнить* имеют другую семантику – ‘количественное восстановление или добавление к уже имеющемуся количеству’ – и потому нами не рассматриваются) нельзя признать большинством, на которое следует равняться прилагательному *полный*, так как, даже если этих глаголов больше, чем прилагательного *полный*, то есть если они частотнее этого прилагательного, они представляют собой другую часть речи. Вероятнее всего, такие глаголы могут передать свое управление прежде всего «по наследству», то есть производным от них причастиям и прилагательным (*наполненный, заполненный, переполненный кем-чем*), но они не могут передать, по крайней мере по аналогии, свое управление прилагательному *полный* – производящему для них слову. Следовательно, в тех очень немногих случаях, когда *полный* управляет формой Т., наблюдается не аналогия, а нечто ей противоречащее, своего рода антианалогия, или, как говорили античные грамматисты, аномалия [4:32]. Механизмом такой аномалии, по нашему предположению, является контаминация. Контаминация, которую мы гипотетически считаем причиной вариантности моделей управления *полный + Р.* и *полный + Т.*, имеет вид: *полный + Р.* ↔ *наполнить, заполнить* или *переполнить + Т.* = *полный + Т.* (изображение ↔ здесь и далее применяется как знак смешения).

Очевидно, управление слов способно влиять прежде всего на то, что в пространстве грамматики им наиболее близко (о понятии поверхностного восприятия, прежде всего того, что ближе, – см. [5:119-136]): в первую очередь, на управление слов той же части речи или, во вторую очередь, на управление однокоренных слов другой части речи. Только в этих двух случаях есть достаточно веские основания для такого влияния: одинаковость частеречной принадлежности и одинаковость корня. Два этих основания, несомненно, весомее, чем принадлежность слов к одной ЛСГ, наблюдаемая у слов *полный* и *налить* (или *известный* и *сказать*). Поэтому определенной

степени влияние управления глаголов возможно на управление других глаголов с похожей семантикой либо, как это наблюдается в случае влияния *наполнить, заполнить* и *переполнить + Т.* на *полный + Т.*, на управление однокоренных с ними других частей речи.

Об этом свидетельствуют примеры вариантности, показанные (и объясненные опять-таки как «взаимодействие семантических элементов разных собственно лексико-семантических классов») в «Русской грамматике»: «вариативная связь *гнушаться чем и чего* отражает связи типа *брезговать чем и избегать чего*; «*поддаться уговорам – на уговоры (отдаться чему и склониться, согласиться на что), дергать веревку – за веревку (брать что и держаться, хвататься за что)*» [8:23] (управление глагола влияет на управление другого глагола); «*запрет чего – на что (запрещение чего и вето, отказ на что)*» [8:23] (управление существительного влияет на управление другого существительного). Такие случаи влияния вполне подпадают по понятие смешения элементов двух чем-то похожих конструкций, то есть под понятие контаминации [1:238]. Среди этих случаев нет примеров влияния управления глаголов на управление однокоренных с ними других частей речи, как в случае отмеченного выше влияния *наполнить, заполнить* и *переполнить + Т.* на *полный + Т.* Но, безусловно, такой достаточно редкий переход модели управления глагола к мотивирующему этот глагол прилагательному, которое намного чаще демонстрирует иную модель управления, можно тоже охарактеризовать как контаминацию.

При изучении моделей управления прилагательного *полный* (ради экономии – именно в этой форме рода, числа и падежа) по данным НКРЯ – из соображений корректности осуществляемого анализа – не учитывались следующие контексты:

– полусинкретичные конструкты [*полный + именительный или неодушевленный винительный существительного*] + *Р.* *существительного*, в которых Р. относится не к *полный*, а к синкрету [*полный + именительный или неодушевленный винительный существительного*], например *полный дом людей, полный ящик гвоздей, полный карман сдачи, полный примус валюты*;

– поэтические контексты, в которых выбор формы управления обусловлен требованиями рифмы и/или ритма стиха (даны примеры с *полный* и *полон*): для соблюдения рифмы: *Не солонина силлогизма, а случай, свежий и парной и в то же время полный смысла, был в строчках, сочиненных мной.* [Омри Ронен. «Моль» // «Звезда», 2001]; *Утомленные пушки В это утро молчали. Лился голос кукушки, Полный горькой печали.* [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя»,

2000]; ...Придется поминать того, кто **полный сил И светлых замыслов, и воли**, Как будто бы вчера со мною говорил, Скрывая дрожь предсмертной боли. [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)]; Я зрел, как их могущи **волны** Всѣ ниспровергли, увлекли, И пламенный трибун предрек, **восторга полный**, Перерождение земли... [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)]; ...И, **полный нежности и ласковой тоски**, Благоуханные целую лепестки. [Н.А. Тэффи. Моя летопись (1929)]; Сядешь в кресла, **полон лени**. Стану рядом на колени – До дальнейших повелений. [М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке (1937)]; Весел я брожу по свету, **Полон я огня**, Я влюбился в Генриетту, А она в меня. [Е.Л. Шварц. Голый король (1934)]; **Полон чистою любовью**, Верен сладостной мечте, А. М. D. своею кровью Начертал он на щите. [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)]; ...Твой кубок **полон не вином**, Но упоительной отравой: Он заманит меня **потом** Тебе во след опять за славой. [Ю.Н. Тынянов. Архаисты и Пушкин (1926)]; ...Рассказать, что лес проснулся, Весь проснулся, веткой **каждой**, **Каждой** птицей вострепнулся И **весенней полон жаждой!** [В.П. Боткин. Стихотворения А.А. Фета (1856)]; для соблюдения ритма: **Смерть близка, и тоска сердце гложет, И мой ум полон дум нестерпимых**. [Д. Марголин. Спутник меломана. Собрание оперных либретто (1908)]. (форма **нестерпимыми** этот ритм нарушила бы).

Рассмотрение узальных характеристик управления прилагательного **полный** в НКРЯ (дата последнего обращения – 04.12.2016), без учета показанных выше, корректно не принимаемых в расчет контекстов, позволило констатировать следующее.

Конструкция **полный + P.** имеет 2032 вхождения.

Конструкция **полный + T.** имеет 106 вхождений, что составляет примерно 5% от количества вхождений конструкции **полный + P.**

Проверку гипотезы о том, что столь малая в сравнении с конструкцией **полный + P.** частотность модели **полный + T.** является следствием контаминации **полный + P.** ↔ **наполнить, заполнить** или **переполнить + T. = полный + T.**, проводим в пяти верифицирующих контаминационность такого управления аспектах:

1. Прежде всего обращает на себя внимание на тот факт, что в произведениях одного и того же автора, нередко весьма известного, и даже в одном и том же произведении, наблюдается весьма частотное употребление модели **полный + P.** при до исключительности редком употреблении модели **полный + T.**

Однако в период становления русской классической литературы авторы нередко синкретично смешивали эти модели, употребляя их

с примерно одинаковой частотностью в контекстах, не содержащих каких-либо маркеров их семантических или стилистических предпочтений. Подобный синкретизм наблюдается и при раннем употреблении регулярных грамматических вариантов. Так, по данным НКРЯ, в XVIII, XIX веках и, как правило, в начале XX века не различались варианты типа **он был мастер – он был мастером, книга будет интересна(я) – книга будет интересной и его привели пьяного – его привели пьяным, стакан чая – стакан чаю и выпить чая – выпить чаю, пропустил урок из-за болезни – пропустил урок по болезни**, которые затем различаются носителями русского языка как обладающие семантикой конкретности и абстрактности соответственно предмета, количества, причины [5:215–220, 220–222, 236–241]; не различались варианты типа **прочитать – прочесть**, которые затем различаются как абсолютно процессуальные и относительно (результативно) процессуальные [5:260–264]; не различались варианты типа **двусторонний – двухсторонний**, которые затем различаются как употребляемые в случаях, когда речь идет не более чем о двух сущностях, и в случаях, когда сущностей может быть и больше двух [5:268–270]; не различались варианты типа **по окончании – после окончания**, которые затем различаются значениями ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’ [5:270–274]; не различались варианты типа **слесарничать – слесарить**, которые затем различаются как стилистически нейтральные и разговорные [5:294–297].

Что же касается нерегулярной асимметричной грамматической вариантности, то, например, даже у А. С. Пушкина наряду с примерами **полный + P.:** **И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек полный серебра**. [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; **В первое представление «Дон Жуана», в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно утивался гармонией Моцарта, раздался свист...** [А. С. Пушкин. О Сальери (1832)] – видим тоже два примера с моделью **полный + T.:** **Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантской дом...** [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; **Постарайся поразтрепать его porte-feuille, полный Европейскими сокровищами**. [А. С. Пушкин. Письмо П.А. Вяземскому (1831.06.11)].

Но уже у А. И. Герцена наблюдается существенная асимметрия исследуемых моделей: **Я только тут, в Париже 1861 года, перед тем же Hotel d Ville'м, перед которым я стоял полный уважения в 1847 году...** [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть восьмая (отрывки) (1865–1868)]; ...и **бросился на пароход, полный надежд и с веселым**

сердцем. [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)]; Друг его, красивый собой и нежный, как девушка, совсем напротив, искал, к кому бы приютиться; **полный любви и преданности**... [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)]; На этот-то **полный жизни и отваги** анализ и накинута бог весть что хранящая консервативная литература, а за ней и правительство. [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть седьмая. Вольная русская типография и «Колокол» (1866)]; Мудрено ли, что Кошут воротился из Америки **полный упований**. [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)]; Нет, это человек, **полный сил**, давно живущий в государственных делах и глубоко продуманных теориях... [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)]; Найдут ли они тот прием, **полный сочувствия**, как отрывки из них, напечатанные в «Полярной звезде», и три первые части? [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)] – при только одном примере **полный + Т.**: Незадолго перед тем, гуляя на Пресненских прудах, я, **полный моим бушотетерроризмом**, объяснял одному из моих ровесников справедливость казни Людовика XVI. [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть первая. Детская и университет (1853–1860)].

Подобная существенная асимметрия исследуемых моделей управления наблюдается также в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Вересаева, И. А. Бунина, М. Горького, М. П. Арцыбашева, А. Белого, В. Я. Шишкова, Т. Соломатиной, А. Иличевского и многих других. И конечно, в произведениях очень многих авторов модель **полный + Т.** полностью отсутствует. Эти наблюдения подтверждают предположение о контаминационной сущности данной модели управления.

2. Ряд примеров из НКРЯ наводят на мысль, что авторы намеренно нарушают норму, употребляя модель **полный + Т.**, с целью выражения экспрессивности: ...родной, **полный человеческою немощью**, лик Того, Кто на горе Елеонской скорбел... [Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]; ...один, **полный человеческим страданием и немощью**, – лик Того, Кто на вержении камня молился о чуде... [Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]; ...Александр VI, благолепный и торжественный, **полный сознанием** своего могущества, походил на предсказанного им миродержавного Кесаря-Папу, объединителя двух царств – земного и небесного, от мира и не от мира сего. [Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]; Вдруг из мрака выплыл и встал перед ним, как живой, **полный дьявольской прелестью**, лик

Женоподобного, Отрока-Девы... [Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]; Он встал, я тоже поднялся с дымом в голове, все еще **полный быстрым**, как полет, **ритмом** фантастического оркестра. [А.С. Грин. Фанданго (1927)]; ...золотой кубок, **полный** до краев **алым вином**, среди бархата и цветов. [А.С. Грин. Бегущая по волнам (1926)]; Пройдя сквозь коридор, такой пустой утром и так **полный** теперь **набившейся** изо всех щелей квартала **толпой**... [А.С. Грин. Бегущая по волнам (1926)]; Я садился, но не мог сидеть и начинал ходить, все еще **полный впечатлением** мигнувшей мимо виска внезапной смерти, которую отвела маленькая таинственная рука. [А.С. Грин. Бегущая по волнам (1926)].

Как известно, еще М. Риффатер выдвинул тезис о том, что «нарушение нормальной предсказуемости создает экспрессивность» [6:93]. О создании экспрессивности путем нарушения морфологических норм в русской поэзии аргументированно пишет Е. А. Скоробогатова [9:61]. В произведениях цитируемых выше Д. С. Мережковского и А. С. Грина имеется немало контекстов, содержащих модель **полный + Р.**, в сравнении с которыми приведенные примеры модели **полный + Т.** действительно выглядят содержащими экспрессию. Но важно обратить внимание на то, что, нечасто выражая экспрессивность моделью **полный + Т.**, авторы используют модель управления однокоренного глагола, то есть выражают экспрессию посредством контаминации.

3. Имеется один автор начала XX века, М. Барсуков, в немногих произведениях которого исследуемые модели представлены в равной мере (чего не наблюдается ни одного другого автора второй половины XIX, всего XX и начала XXI веков), причем иногда не только в одном произведении, но и в совершенно одинаковом контекстном окружении. Например: *И, уже не сдерживая себя, **полный волнующей близости**, Саша преодолел охватившее его голову сладкое головокружение и поцеловал губы запрокинутого назад похолодевшего лица.* [М. Барсуков. Нерассказанная любовь (1928)]; *В Лидине Саша пробыл весь день – жаркий, светоносный, **полный запахов** соснового леса, сухой земли, увядающих на солнце цветов.* [М. Барсуков. Нерассказанная любовь (1928)]; *Рано поднявшись на другой день, Саша один пошел гулять в лес, **полный еще легкой утренней свежести и солнца**, падавшего на землю чистым, светлым узором.* [М. Барсуков. Нерассказанная любовь (1928)]. Но в этом же рассказе наблюдаем: *И **полный волнующей близостью** милого видения, не видя полузакрытыми глазами, как по зеленой траве, освещенной ярким солнцем, бежит за вагонами*

короткая тень, Саша глубоко дышал встречным ветром... [М. Барсуков. *Нерассказанная любовь* (1928)]; Еще только Саша смеялся, оживленно разговаривал, **полный жарким волнением**, видениями миновавшего дня, как вдруг ему стало тоскливо, тяжело... [М. Барсуков. *Нерассказанная любовь* (1928)]; ...и весь зал, **полный пряным кофейным чадом**, плыл, казалось, перед ним, со всей своей темной зеленью, людской сутолкой, жидкой синевой окон. [М. Барсуков. *Нерассказанная любовь* (1928)]; **Полный неожиданным счастьем**, он вошел в свою темную комнату... [М. Барсуков. *Нерассказанная любовь* (1928)]; ...и весь этот ресторанный зал, **полный голосами и звоном**. [М. Барсуков. *Нерассказанная любовь* (1928)].

Подобное синкретичное смешение исследуемых моделей управления в XX веке выглядит исключением из общей тенденции, но данному исключению есть вполне научное объяснение. О М. Барсукове известно как о подающем надежды прозаике, который с ранней молодости страдал прогрессирующей шизофренией и довольно скоро после начала писательской карьеры прекратил писать. Ни в коей мере не претендуя на научную компетентность в сфере психиатрии, но руководствуясь когнитивнолингвистическим постулатом А.Е. Кибрика о необходимости применения в ходе лингвистических исследований данных смежных с лингвистикой наук о человеке (антропонаук) [3:20], обратим внимание на сведения о шизофрении, которые могут пролить свет на показанные особенности текстов М. Барсукова (подобным образом поступает В. Крупа при изучении метафоры на пересечении разных дисциплин: исследует шизофренические метафоры [11:73]). Из многих симптомов шизофрении для нас сейчас важны следующие: «Часто встречается одновременное усиление зрительных и аудиальных каналов восприятия. Обострение восприятия тесно связано с переизбытком поступающих сигналов. Дело не в том, что органы чувств становятся более восприимчивыми, [а] в том, что мозг, обычно отфильтровывающий большую часть поступающих сигналов, по каким-то причинам не делает этого. Такое множество внешних сигналов, обрушивающихся на мозг, затрудняет у больного способность сосредоточения и концентрации. ... При подобных нарушениях информация, поступающая к больному, перестает быть для него цельной и очень часто предстает в форме раздробленных, разделенных элементов. ... Восприятие мира, рассыпавшееся на множество разнородных и не связанных друг с другом элементов, порождает проблемы мышления, такие как спутанность мышления, диссоциация мышления (неправильные ассоциации),

конкретность (обусловленная распадом мира на элементы нарушенность абстрактного мышления), нарушение способности мыслить логически и видеть причинно-следственные связи. В последнем случае больной [может] легко совмещать в своих рассуждениях противоречащие друг другу высказывания» [10]. Именно такими противоречащими друг другу высказываниями являются фрагменты приведенных выше примеров из рассказа М. Барсукова: **полный волнующей близости** и **полный волнующей близостью**, **полный запахов** и **полный пряным кофейным чадом** (чад семантически соотносим с запахом). Следовательно, при шизофрении контаминации – как противоречивые соединения логически несоединимых элементов – не только возможны, но и имеют большой масштаб. Именно он наблюдается в рассказе М. Барсукова, и именно он неповторимо, по-своему подчеркивает контаминационность модели **полный + Т.**

4. Из гипотезы о контаминационном влиянии управления Т. глаголов *наполнять*, *заполнять* и *переполнять*, нечастотно создающем модель **полный + Т.**, следует предположение, что краткое прилагательное *полон* – как полуадъектив-полупредикатив, близкий к глагольности присущей ему исключительной предикативностью, – может демонстрировать большую частотность управления Т., нежели частотность, наблюдаемая у модели **полный + Т.** Подтверждение данного предположения стало бы еще одним подтверждением контаминационного влияния указанных глаголов на употребление модели **полный + Т.**

Анализ содержащихся в НКРЯ (дата последнего обращения – 10.12.2016 г.) примеров управления прилагательного *полон* (именно в этой форме рода и числа) показал следующее.

Модель *полон + Р.* имеет 1711 вхождений, а модель *полон + Т.* имеет 459 вхождений, что составляет более 30 процентов от количества модели *полон + Р.*, и это более чем в 6 раз больше, чем в отношении Т. к Р. в управлении прилагательного *полный*.

При этом весьма показательно, что примерно 40 процентов примеров управления прилагательным *полон* формой Т. приходится на период с XVIII века до 1920-х годов, когда частотность такого управления заметно снижается. Этим, как и в случае с управлением прилагательного *полный*, подтверждается вывод о том, что до начала XX века исследуемые модели управления носителями русского языка чаще всего синкретично не различались.

Но еще знаменательнее оказывается информация о том, что, видимо по причине осязаемой, заметной предикативности краткого прилагательного *полон*, у авторов иногда возникает,

очевидно спровоцированная данной предикативностью, потребность, не исправляя, уточнить его отглагольной, часто однокоренной, формой – и управляемой формой при этом является только Т.: *Только в мире, который **полон, т. е. заполнен,**] причинными связями, возможна свобода.* [Мераб Мамардашвили. *Картезианские размышления (1981-1993)*]; *И вдруг, когда он был еще **полон** до краев **пережитым, переполнен** **увиденным,** вдруг обнаружилось несчастье: исчезла шапка мальчика, шлем из поддельного барашка с кожаным верхом, купленный за дорогие деньги.* [Борис Хазанов. *Я воскресение и жизнь (1976)*]; *Итак, скажи – с некоторого времени я решительно так **полон,** можно сказать, **задавлен ощущениями и мыслями,** что мне кажется, мало того, кажется, – мне врезалась мысль, что мое призвание – быть поэтом, стихотворцем или музыкантом...* [А. И. Герцен. *Былое и думы. Часть первая. Детская и университет (1853–1860)*].

Следовательно, имеются все основания констатировать, что наше предположение о большей частотности модели *полон + Т.*, нежели модели *полный + Т.*, и, как следствие, о контаминационности влияния глагольности на употребление модели *полный + Т.* – подтверждается.

5. Наконец, последним доказательством рассматриваемой в настоящей статье контаминационности является управление однокоренных к прилагательному *полный* причастных форм, из которых (в целях экономии) мы рассмотрим три – производные от глаголов *наполнить, заполнить, переполнить*.

В НКРЯ (дата последнего обращения – 10.12.2016 г.) причастие *наполненный* имеет 864 вхождения, в которых данное причастие в подавляющем большинстве случаев управляет формой Т. Лишь в XVIII веке наблюдаются исключения с управлением формой Р., подтверждающие приведенные выше сведения о синкретичном различении форм управления прилагательных *полный* и *полон* в прошлые столетия: *Мы с нашей стороны требовали, чтоб некоторые лица были вымараны из его списка, в том числе и некто короткий его собеседник князь Одуевский, трус, подлец и нахал, **наполненный злоречия и обмана,** не терпимый всеми честными людьми.* [И. М. Долгоруков. *Повесть о рождении*

моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788-1822)]; *Начата уже она была как прибыль Альфонзъ-де-Альбукеркъ, **наполненный нетерпеливости** прославиться.* [М. И. Веревкин. *Исторія о странствіяхъ вообще по вѣсьмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1. [перевод Прево и Лагарпа] (1782)*] (хотя у этого же автора в том же произведении есть и обратный пример: *Испанскіе работные люди, когда его несли, очищали корабль, залитый вездѣ кровію и **наполненный трупами.*** [М. И. Веревкин. *Исторія о странствіяхъ вообще по вѣсьмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1. [перевод Прево и Лагарпа] (1782)*]).

В НКРЯ нами обнаружен пример того же времени, в котором наблюдается контаминационный синкретизм иного порядка – неправильное в целом смешение правильных в отдельности сочетаний: предложно-падежного управления и глагольного управления: *Такимъ особо отдѣленнымъ и для посылокъ опредѣленнымъ людямъ приказано было при закупкѣ съѣстнаго, или другаго чего неопаснаго принимать отъ продавцовъ деньги въ случаѣ здачи не въ руки, но въ **сосудъ съ укусомъ наполненный,** который они при себѣ и носили...* [коллективный. *Описание моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ (1775)*].

Причастие *заполненный* в НКРЯ имеет 219 вхождений, в которых оно управляет только формой Т.

Причастие *переполненный* в НКРЯ имеет 453 вхождения, в которых оно тоже управляет только формой Т.

Совершенно очевидно, что в каждом, в том числе из показанных выше, случае управления прилагательными *полный* и (тем более) *полон* формой Т. возможна безущербная для смысла высказывания субституция этих прилагательных показанными выше причастиями.

Таким образом, пять рассмотренных нами аспектов подтверждают идею контаминации *полный + Р.* ↔ *наполнить, заполнить* или *переполнить + Т.* = *полный + Т.* и, как более абстрактное следствие, позволяют считать контаминацию причиной нерегулярной асимметричной грамматической вариантности.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Контаминация / Ю.А. Бельчиков // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 238.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / К. С. Горбачевич / [отв. ред. Ф. П. Филин]. — [2-е изд.]. — М. : Книжный дом «Либроком», 2009. — 240 с.
3. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.

4. Кубрякова Е. С. Аналогия / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 31–32.
5. Попов С. Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук / С. Л. Попов. — Харьков, 2015. — 453 с.
6. Риффатер М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. IX. — М. : Прогресс, 1980. — С. 69–97.
7. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — [4-е изд., испр.]. — М. : Высшая школа, 1977. — 316 с.
8. Русская грамматика / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. — В 2-х т. — Т. II. Синтаксис. — М. : Наука, 1982. — 711 с.
9. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Е. А. Скоробогатова. — Харьков : НТМТ, 2012. — 480 с.
10. Ценев В. Психологическое портретирование больного шизофренией / В. Ценев // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psyberia.ru/mindterritory/shizo>.
11. Krupa V. Metafora na rozhrani vedeckých disciplín / V. Krupa. — Bratislava : Tatran, 1990. — 184 s.

УДК 811.161.2'42

Р. Л. Сердега*Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна***Синтаксична організація виражених простим реченням повір'їв**

Сердега Р. Л. Синтаксична організація виражених простим реченням повір'їв. Синтаксис і дотепер залишається найменш дослідженою галуззю лінгвістики. Прості речення, хоч і не вичерпують багатства всіх синтаксичних форм, усе ж виступають необхідними елементами організації мови. Помітне місце вони займають і в системі виражених реченням повір'їв. У статті розглянуто синтаксичну організацію повір'їв, що мають форму простого речення. З'ясовано, що серед аналізованих одиниць більш поширеними є однокладні синтаксичні конструкції. Це переважно безособові речення. Головна частина в таких синтаксичних конструкціях виражена безособовими предикативними конструкціями, що мають виразну заборонну або імперативно-дозвольну семантику й поєднуються з інфінітивом.

Ключові слова: *просте речення, повір'я, односкладні речення, двоскладне речення, безособове речення, узагальнено-особове речення, неозначено-особове речення, означено-особове речення.*

Сердега Р. Л. Синтаксическая организация выраженных простым предложением поверий. Синтаксис до сих пор остаётся наименее исследованной отраслью лингвистики. Простые предложения, хотя и не исчерпывают богатства всех синтаксических форм, всё же выступают необходимыми элементами организации языка. Заметное место они занимают и в системе выраженных предложением поверий. В статье рассмотрена синтаксическая организация поверий, имеющих форму простого предложения. Выяснено, что в анализируемом языковом материале чаще употребляются односложные синтаксические конструкции. Это в основном безличные предложения. Главная часть в таких синтаксических конструкциях выражена безличными предикативными конструкциями, которые сочетаются с инфинитивом и имеют выразительную запретную или императивно-разрешительную семантику.

Ключевые слова: *простое предложение, поверье, односоставные предложения, двусоставное предложение, безличное предложение, обобщённо-личное предложение, неопределённо-личное предложение, определённо-личное предложение.*

Serdega R. L. The Syntactic Organization of Beliefs Expressed by a Simple Sentence. Syntax is still the least researched branch of linguistics. One of the main problems of syntax is a comprehensive study of the proposal, its grammatical organization in connection with the expression of a certain content. The sentence is the main language communicative unit and represents a complex system of interrelated units that form its structure. Simple sentences, of course, do not cover the richness of all syntactic forms. However, they are necessary elements of the organization of the language. A notable place for such syntactic constructions is in the system expressed by the sentence of beliefs. Researchers of the Ukrainian language paid much attention to the study of the syntax of the literary language and the description of written sources. However, scientists must investigate syntactic organization of folk speech, folklore-ceremonial texts and those syntactic structures that reflect traditional world view presentations of the Ukrainian people. In the article we considered the syntactic organization of beliefs, which have the form of a simple sentence. We found out that in the analyzed linguistic material more often monosyllabic syntactic constructions are used, which mostly refer to impersonal sentences. The main part in such syntactic constructions is expressed by impersonal predicative constructions, which are combined with an infinitive and have expressive forbidden or imperative-permissive semantics.

Keywords: *simple sentence, belief, one-part sentences, two-part sentence, impersonal sentence, general-personal proposal, indefinitely-personal proposal, definitely personal proposal.*